

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 4. – С. 465-474.

УДК 340.12

ИДЕЯ ПРАВА В УЧЕНИИ БОЛОНСКОЙ ШКОЛЫ ГЛОССАТОРОВ: ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Струнский А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье анализируются философско-правовые взгляды представителей болонской юридической школы глоссаторов на решение вопроса о сущности права: Ирнерия, Мартинуса, Булгара, Рогерия, Плацентия, И. Бассиана, Ацо, а также труды анонимных авторов. Приводится сравнительный анализ представлений о праве болонских юристов и Св. Августина. Делается вывод о религиозной направленности концептуальных воззрений глоссаторов, а также о главенствующей роли в них идеи божественной справедливости как основы естественного и позитивного права. Указывается на практический характер идеи справедливости в правоинтерпретационной деятельности глоссаторов, которая подразумевала учет культурного и социального контекста. В заключении автор дает оценку вкладу глоссаторов в развитие и становление европейской правовой традиции как способствовавшему укреплению философских начал в юридическом образовании и науке.

Ключевые слова: глоссаторы, Средневековье, болонская юридическая школа, интерпретация права, социокультурный контекст, сущность права, идея права, справедливость, правосудие

Введение. После падения Западной Римской империи и завоевания ее германскими племенами на обширной территории стало действовать обычное право германцев, заменившее собой более развитую правовую систему римлян. Нельзя сказать, что римское право в качестве системы права было полностью утрачено, оно продолжало применяться в среде римского населения, отдельные нормы и институты, а также юридическая терминология впоследствии были включены в германские варварские правды и церковное право. Однако, как указывает Берман Г. Дж., это было «упрощенное, популяризованное и испорченное римское право», так называемое «римское вульгарное право» [4, с. 64-65]. Кроме того, для этого «мрачного периода», длившегося с V в. и до конца XI в., характерно отсутствие теоретических работ в области права. Конечно, нельзя говорить о полном исчезновении юридических знаний в период раннего Средневековья, но их направленность либо носила чисто практический характер, либо они существовали в рамках правовой теологии [5, с. 193-209].

К концу XI в. ситуация начинает меняться, что связано с двумя основными факторами. Во-первых, происходит постепенная трансформация организации и институтов, в рамках которых было возможно познание и исследование. По мнению французского историка Гоффа Ж. Ле., этому способствовало развитие городов и становление университетов, распространение письменной культуры, десакрализация книги и обретение ей новой функции – функции доказательства. Все это сопровождалось рационализацией методов интеллектуальной работы и формированием схоластического метода [9, с. 416-420]. Во-вторых, в середине XI в. в северной Ита-

лии вновь открывают кодификацию Юстиниана (известную в Средние века как *Corpus iuris civilis*) [15, p. 79]. Маренбон Дж. по этому поводу пишет: «Части свода гражданского права (*Corpus iuris civilis*) – Институции, большинство частей Кодекса и латинские аббревиатуры Новелл – были известны в Италии на протяжении всего раннего Средневековья. Но именно Дигесты, благодаря освещению большей части лучших образцов римской юриспруденции, могли преобразовать средневековое мышление о праве и превратить право в академическую дисциплину» [10, p. 256].

Сдвиг в изучении римского права в Западной Европе связан с именем Ирнерия, основателя болонской юридической школы глоссаторов. Свое название школа получила из-за практики пояснения текста посредством глосс – кратких пометок между строк или на полях текста. Будучи учителем свободных искусств, Ирнерий успешно приспособил схоластический метод к изучению и преподаванию римского права [15, p. 79- 80]. По мнению Штейна П., именно Ирнерий отделил науку от юридической практики [23, p. 46] и тем самым, как мы считаем, заложил основы европейской правовой науки.

При этом доминирующим в отечественной литературе остается мнение, высказанное Коркуновым Н. М. еще в начале XX в.: «Они (глоссаторы – А. С.) не дают не исторического выяснения того готового материала, который они находили в *Corpus juris civilis*, ни философской его критики. Понять и усвоить материал – дальше этого они не идут» [8, с. 94-95]. Схожего мнения придерживалась и известный советский правовед Иоффе О. С., который хотя и указывал на разногласия в рядах глоссаторов относительно толкования законов «*ex aequitate*» (по справедливости), но все же делает основной акцент на деятельности глоссаторов по изучению и систематизации источников римского права [7]. Алексеев С. С. также указывал в основном на вклад глоссаторов в разработку догмы, но не философии права [3, с. 7].

Вопрос о понимании глоссаторами сущности права в отечественной науке во многом остается не раскрытым, хотя и является важным для формирования целостных представлений о развитии философии и догматики права в западной правовой традиции, в том числе и в правоинтерпретационном аспекте.

Концепция права в трудах глоссаторов. В процессе толкования и анализа текста *Corpus iuris civilis*, и в особенности Дигест, глоссаторы сталкивались не только с нормами права, но и с теоретико-философскими взглядами римских юристов на право. Анализ этих идей нашел свое отражение и в трудах глоссаторов. В произведении «*Fragmentum Pragense*», написанном в середине XVII в. и содержащем фрагменты из произведений средневековых юристов, а затем отредактированным Фитингом Г. в 1876 г., можно найти примечательный отрывок, который в общих чертах иллюстрирует взгляды глоссаторов на сущность права. Автор этого отрывка пишет о том, что *aequitas* (справедливость), является «сущностью гармонии, которая требует равного права в равных делах»¹, а затем утверждает, что «справедливость есть ничто иное как Бог». *Iustitia* (правосудие, справедливость), по его мне-

1 Это определение справедливости встречается еще у Цицерона и часто используется в трудах глоссаторов. Cicero, Topics, 23: «Valeat aequitas, quae in paribus causis paria iura desiderat» [Пусть возобладает справедливость, которая требует равного права в равных делах]. См.: Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. P. 193, fn. 2.

нию, является свойством человека, волей и умением определять *aequitas* и действовать в соответствии с ней. Когда *iustitia* закрепляется в нормах – писаных или обычае – оно становится *ius* (правом)² [17, р. 216]. В настоящем отрывке можно выделить четыре основных понятия, вокруг которых строится вся концепция правопонимания болонских юристов: *Deus* (Бог), *aequitas*, *iustitia* и *ius*.

По нашему мнению, значительное влияние на формирование взглядов болонских юристов оказали идеи христианской правовой теологии. Отметим явное сходство между взглядами глоссаторов и идеями Св. Августина, чьи взгляды на право и справедливость стали определяющими для западной христианской идеологии. Вот что пишет по этому поводу Падовани А.: «Начиная с XII в., возможно, вслед за самим Ирнерием, труд Св. Августина также становится частью рефлексии болонских юристов на тему правосудия и справедливости» [22, р. 63]. Реконструируем основные взгляды Св. Августина на право и справедливость, которые помогут более ясно понять взгляды глоссаторов на сущность права (обобщим и опустим особенности различных этапов творчества Св. Августина). Рассуждая о праве и порядке, Св. Августин оперирует понятиями *lex aeterna* (вечный [божественный] закон), *lex naturalis* (естественный закон) и *lex temporalis* (временный [человеческий] закон). *Lex aeterna* в концепции Св. Августина не отождествляется с Богом и представляет собой «преднамеренный акт» воли Бога как проявление Его мудрости [3, р. 59-63]. Вечный закон отпечатан в разумной человеческой душе в виде *lex naturalis*: «Итак, на основании того неизреченного и возвышенного управления вещами, которое совершается Божественным Промыслом, в разумной душе как бы записан естественный закон (*naturalis lex*), чтобы и в образе жизни, и в земных нравах люди соблюдали подобие приведенного выше распределения» [2, с. 93]. *Lex temporalis* является лишь «отражением» вечного божественного закона. Божественный закон, который сам по себе не может подвергаться сомнению и оценке человеком, выступает у Св. Августина образцом для человеческого закона: «Однако законодатель, при составлении временных законов, если он человек добрый и мудрый, соотносится с тем вечным законом, о котором судить не дано ни единой душе, дабы сообразно с его неизменными правилами определить то, что должно быть разрешено или запрещено» [1, с. 477].

Теология права Св. Августина фундирована идеей справедливости, придающей его взглядам на право определенную систематичность. Истинная, то есть божественная, справедливость, как часть божественного права, доступна человеку по природе, так как ее фундаментальные принципы заложены в разумной человеческой душе вместе с базовыми нормами и заветами естественного права [1, с. 68; 13, р. 69]. Различение истинной справедливости и людской является важной особенностью концепции Августина. Истинная справедливость, будучи «отпечатана» в человеческой душе вместе с зачатками разума, является основанием для человеческой справедливости [14, р. 97]. В то же время земной порядок никогда

---

2 Фитинг Г. придерживался мнения, что этот отрывок относится к более ранним временам, еще до возникновения школы в Болонье, однако Канторович Г., который исследовал также манускрипты из Британской библиотеки, делает вывод о том, что этот отрывок является частью предисловия к произведению Мартинуса «De iure tractatus». См.: Kantorowicz H. *Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century*. Darmstadt, 1969. p. 50-53.

не способен возвыситься над пределами людской справедливости, которая регулирует отношения власти и подчинения, частной собственности, которые не свойственны естественному порядку [18, p. 26].

Параллели между приведенным выше отрывком из произведения «*Fragmentum Pragensе*» и взглядами Св. Августина очевидны. Конечно, в названном фрагменте не проводится различий между божественной справедливостью и вечным законом, скорее всего для глоссаторов, по сути, это было одним и тем же. При этом в учении глоссаторов усматривается достаточно четкое, хотя и не у всех авторов, различие термина *aequitas* и *iustitia*. Если первое относится к Богу, то второе является свойством человека и соответствует человеческой справедливости в терминах Св. Августина. Уже у Ирнерия, основоположника болонской школы, мы находим примечательную глоссу к размышлениям Ульпиана по поводу права и справедливости [См. : 6, с. 82-83]: «Правосудием (*iustitiam*) называется здесь доброе и справедливое (*aequum*). Но справедливость (*aequitas*) отличается от правосудия (*iustitia*). В действительности справедливость может быть постигнута из сути самих вещей и когда она проистекает из воли, приобретая форму, становится правосудием» [22, p. 64, fn. 80]. В произведение неизвестного автора «*Summa Trecensis*» говорится, что *iustitia* идентична *aequitas* «*si ex voluntate redacta sit*», то есть «исходящей из воли» [20, p. 320-321]. Подобного мнения также придерживается Плацентий, который в произведении «*Summa Institutionum*» также указывает на то, что правосудие свойственно разуму справедливого человека [12, p. 10]. Стоит отметить, что подобные утверждения базируются как на христианской идеологии, так и на тексте Дигест: «Правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право», – пишет Ульпиан [6, с. 86-87].

Неизвестный автор «*Quaestiones de iuris subtilitatibus*» признает *aequitas* объективным порядком, независимым от человека и существовавшим ранее чем *iustitia* и *ius*. При этом он отмечает тенденцию *aequitas* постепенно воплощаться в праве [20, p. 321]. Справедливость, воплощенную в писанном праве, глоссаторы называли «*aequitas constituta*», а справедливость, еще не закреплённую в праве и олицетворяющую должное право, называли «*aequitas rudis*»³.

Идея о том, что *ius* происходит от *iustitia* также заимствована из Дигест и неоднократно встречается у глоссаторов, например, у Плацентия и Ацо [12, p. 13-14]. Однако глоссаторы не приравнивали все право к *iustitia*. Примечателен отрывок из произведения Ирнерия «*Quaestiones de Juris subtilitatibus*», в котором автор сравнивал два отрывка из Дигест. В одном Павел утверждал: «Слово «право» употребляется в нескольких смыслах: во-первых, «право» означает то, что всегда является справедливым и добрым, – каково естественное право. В другом смысле «право» – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве, – каково гражданское право» [6, с. 86-87]. В другом отрывке Ульпиан цитирует знаменитое определение права данное Цельсом: «...право есть искусство доброго и справедливого» [6, с. 82-83].

3 Такое деление мы встречаем у Мартинуса, см.: Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century. Cambridge, 2017. P. 194; Также у Ирнерия, Булгара и в анонимном произведении «*Summa Trecensis*», см.: Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century. Darmstadt, 1969. P. 41-42, 234. Аналогично у Рогерия и Ацо, см.: Lange H. *Ius Aequum und Ius Strictum bei den Glossatoren* // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1954. Vol. 71. Iss. 1. P. 331.

Ирнерий, сравнивая эти два отрывка, рассуждает следующим образом. В соответствии с определением Ульпиана *ius* выражает власть того, кто его устанавливает, но также и принципы *aequitas*, но термин *ius* также используют для описания власти, которая не подкреплена положениями *aequitas*, как, например, несправедливое решение претора; такое решение зовется *ius*, потому что претор должен был принять справедливое решение; различие естественного и гражданского права непосредственно связано с этим двойным смыслом термина *ius* [12, р. 22]. В подобном же русле рассуждает Плацентий и Ацо [12, р. 24-25].

Кроме того, Ирнерий указывает на изменчивый характер гражданского права, которое зависит от конкретного места и времени, в то время как естественное право всегда постоянно [12, р. 22]. Подобное мнение мы также встречаем в одном из отрывком «*Fragmentum Pragense*», который гласит, что *iustitia* также отличается от *ius*, первое является постоянным и неизменным, а второе изменчиво: это связано с различными обстоятельствами, к которым оно должно быть адаптировано [17, р. 215].

Таким образом, большинство глоссаторов видели основу права в *aequitas*, являющейся неизменным божественным порядком, который должен быть воплощен в праве. При этом глоссаторы признавали изменчивость права, связанную не только с постоянным его совершенствованием в соответствии с *aequitas*, но и с переменами в жизни общества.

В то же время не совсем ясно само содержание *aequitas*. Как верно отмечает Г. Ланг, глоссаторы использовали *aequitas* в разном смысле в зависимости от контекста, впрочем, как и их «учителя» римляне. В продолжение античной традиции справедливость ими понимается как равенство, а в духе христианской идеологии она понимается в значении человечности (*humanitas*) и доброты (*benignitas*), когда речь идет о смягчении строгости закона. Часто наблюдается противопоставление *aequitas* и *ius*, а чаще всего *ius strictum* (позитивное право, подлежащее буквальному, строгому толкованию). Иногда *aequitas* применяют во взаимосвязи с добросовестностью (*bona fides*) [20, р. 323-324].

Толкование права ex aequitate. Понимание значения *aequitas*, как и его противоположности – *ius strictum*, невозможно без обращения к практике толкования глоссаторами кодификации Юстиниана. Признание *aequitas* в качестве божественного начала права непременно ставило перед глоссаторами вопрос о возможности ее непосредственного применения в процессе правотолкования. И ответ на этот вопрос был не столь очевиден, так как приверженность глоссаторов христианской идеологии сочеталась с их преданностью тексту *Corpus iuris civilis*, который не давал однозначный ответ на поставленный вопрос. В Кодексе Юстиниана мы встречаем два противоречивых фрагмента. Один гласит, что право разрешения противоречий между справедливостью и правом принадлежит исключительно императору (Cod. 1.14.1: «*Inter aequitatem iusque interpositam interpretationem nobis solis et oportet et licet inspicere*»). Другой, помещенный в титул по вопросу судопроизводства (*De iudiciis*), указывает на приоритет справедливости перед строгостью закона (Cod. 3.1.8): «*Placuit in omnibus rebus praecipuam esse iustitiae aequitatisque quam stricti iuris rationem*» [21, р. 194, fn. 8-9]. Это противоречие вызвало разногласие между учениками Ирнерия Булгаром и Мартинусом.

Булгар и его ученик Рогерий полагали, что судья должен отдавать приоритет лишь писаной справедливости – *aequitas constituta*, она имеет приоритет перед строгостью закона (как, например, в комментарии Марцелла относительно помощи лицу, утратившему вещь во время своего отсутствия) [6, с. 408-409]. Это должно было предотвратить произвольную интерпретацию судьей писанных норм. Считается, что Мартинус и его сторонники, напротив, допускали непосредственное применение *aequitas rudis* в противоречие строгости писаного закона. Однако не стоит полагать, что они были столь радикальны, как на это указывали их оппоненты. Падоеа-Скиоппа А. пишет, что в тех случаях, когда Мартинус и его сторонники предписывали судье придерживаться справедливости вместо сурового предписания закона, они всегда ссылались, даже косвенно, на текст *Corpus iuris civilis* [21, р. 195-196]. Аналогичного мнения придерживается и Ланг Г., полагающий, что позицию Мартинуса яснее всего выразил Плацентий, когда допустил применение более справедливых норм по аналогии к ситуациям, которые регулировались непосредственно более суровыми предписаниями [20, р. 330].

В то же время в этот исторический период встречаются и более радикальные взгляды по обозначенному вопросу. Примером может служить произведение «*Exceptiones legum Romanorum Petri*», автор которого допускал свободное использование *aequitas* и широкую свободу судьи при принятии решений. В прологе автор писал о возможности «топтать все, что бесполезно, отменено и противоречит справедливости» [21, р. 195, fn. 13]. Однако этот текст не принадлежит болонской школе и, предположительно, является одним из доказательств рецепции римского права в XII в. за пределами Апеннинского полуострова, в Южной Франции или Каталонии [11, р. 113-114].

При этом среди глоссаторов, по всей видимости, преобладали более консервативные взгляды Булгара. Более поздние глоссаторы, например, Ацо и Аккурсий отклоняют позицию Мартинуса, хотя и продолжают его цитировать [21, р. 196]. Однако не стоит считать, что среди глоссаторов в итоге возобладала легистские тенденции. Достаточно распространено мнение, что не глоссаторы, а пост-глоссаторы или комментаторы стали широко использовать идею справедливости при толковании права. В частности, это выражалось в подходе, при котором «дух» закона, то есть его основание, преобладало перед его «буквой» [16, р. 40-41]. Но некоторые ученые, например Падоеа-Скиоппа А. и Интема Х. Э. считают, что тенденция более широкого применения идеи справедливости при толковании права прослеживается уже в трудах глоссаторов, хотя они пошли путем отличным от взглядов Мартинуса.

Интема Х. Э. пишет о трех основных приемах, используемых глоссаторами при толковании права, в которых можно проследить практическую адаптацию идеи справедливости: гармонизация, обобщение и исключение. Признавая существование в тексте закона как справедливых норм, так и норм более строгих, которые регулировали схожие правоотношения, глоссаторы признавали *ius strictum* общей нормой, а *ius aequum* (справедливое право) специальной, которая в конкретном случае имеет приоритет. Кроме того, глоссаторы часто обобщали применение *ius aequum* на случаи, не урегулированные законом, тем самым отдавая приоритет более справедливым нормам. В то же время представляет интерес тот факт, что в некоторых случаях глоссаторы самостоятельно ограничивали применение справедливости, когда того требовал публичный интерес (*publica utilitas*) [24, р. 77-80].

Кроме того, Падоа-Скиоппа А. утверждает, что уже у глоссаторов имеет место аргументация со ссылкой на основание (*ratio, mens* или *causa*) закона, которое, в случае расхождения его с текстом (*verba*), имело приоритет и позволяло глоссаторам толковать закон «расширительно» или «ограничительно». То есть, по сути, в противоречие букве закона, но в соответствии с представлениями о справедливости. В качестве примера он приводит толкование Бассианом И., учеником Булгара и учителем Ацо, положения Кодекса Юстиниана, которое касается возможности применения хозяином раба одновременно *actio furti* и *actio servi corrupti* в отношении лица, которое пыталось подстрекать его раба к краже у своего господина (Cod. Iust. 6. 2. 20). Бассиан И. считает, что эту норму можно применять и к случаю, когда пытались подговорить не раба, а сына, так как «*ratio aequitatis* имеет приоритет над *ratio iuris stricti*» [21, p. 196-197].

Выводы. На основании вышеизложенного можно сделать несколько существенных выводов:

1. Мнение о том, что глоссаторам был чужд философский подход к праву, является в настоящее время несостоятельным, на что, в частности, указывают более новые исследования их трудов, в особенности предисловий к ним.

2. Взгляды глоссаторов на право и его сущность основывались, в первую очередь, на христианской идеологии, которая занимала абсолютное доминирующее положение в эпоху высокого Средневековья. Несмотря на конфронтацию в отношениях между церковью и светской властью в названный период, можно с уверенностью утверждать, что представления и канонистов, и светских юристов о мире и праве строились исключительно в рамках христианской идеологии. Во-вторых, представления глоссаторов испытали значительное влияние со стороны римских юристов и философов, чьи идеи были подведены под идеи христианской правовой теологии (которая, во многом, сама была рефлексией античной философской мысли).

3. Идея права в трудах глоссаторов – это идея божественной справедливости, вечного и неизменного закона. Способность человека определять справедливость и действовать в соответствии с ней является правосудием. Позитивное право должно быть справедливым, но не всегда является таковым.

4. Глоссаторы испытывали затруднения с определением содержания идеи справедливости, однако в общих чертах прослеживается преемственность их взглядов с трудами христианских теологов, которые под справедливостью понимали равенство и милосердие.

5. Идея права имела большое значение в правоинтерпретационной деятельности глоссаторов. Основываясь на идее дихотомии справедливого и несправедливого в позитивном праве, а также на логическом методе, глоссаторы успешно преобразовывали право в соответствие с идеей справедливости. Как в свое время римские юристы сохраняли формальную (ритуальную) преданность тексту Законов XII таблиц и продолжали адаптировать закон к изменяющимся жизненным обстоятельствам, так и глоссаторы, действуя в рамках предписаний кодификации Юстиниана, приспособляли его положения к потребностям средневекового христианского общества.

Важной заслугой глоссаторов, по нашему мнению, является адаптация идей теологов права к юридическому образованию и науке. Можно сказать, что они пер-

вые заложили философскую составляющую юридического образования и правоведения как науки в европейской правовой традиции.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. – Мн., 1999. – 1600 с.
2. Августин Блаженный. Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика. – М., 2005. – 352 с.
3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М., 2001. – 752 с.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М., 1998. – 624 с.
5. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П. Г. Виноградов. – М., 2014. – 279 с.
6. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. – М., 2002. – 584 с.
7. Иоффе О. С. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/3/info/> (дата обращения: 22.10.2019). – Текст электронный.
8. Коркунов Н. М. История философии права / Н. М. Коркунов. – СПб., 1915. – 502 с.
9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург, 2005. – 560 с.
10. Banchich T. M., Marenbon J., Reid Jr. Ch. J. The Revival of Roman Law and Canon Law / T. M. Banchich, J. Marenbon, Jr. Ch. J. Reid // Miller Jr. F. D., Biondi C.-A. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 6: A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. – Dordrecht, 2007. – P. 251-266.
11. Blumenthal U.-R. A New Manuscript of the *Exceptiones Legum Romanorum Petri* / U.-R. Blumenthal // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. – 2010. – Vol. 96. – Iss. 1. – P. 111-126.
12. Carlyle R. W., Carlyle A. J. A History of Mediaeval Political Theory in The West. Vol. 2: The Political Theory of The Roman Lawyers and Canonists from the Tenth Century to The Thirteenth Century / R. W. Carlyle, A. J. Carlyle. – New-York, 1909. – 274 p.
13. Chroust A.-H. The Fundamental Ideas in St. Augustine's Philosophy of Law / A.-H. Chroust // American Journal of Jurisprudence. – 1973. – Vol. 18. – Iss. 1. – P. 57-79.
14. Deane H. The Political and Social Ideas of St. Augustine / H. Deane. – New-York, 1963. – 356 p.
15. Errera A. The Role of Logic in the Legal Science of the Glossators and Commentators. Distinction, Dialectical Syllogism, and Apodictic Syllogism: An Investigation into the Epistemological Roots of Legal Science in the Late Middle Ages / A. Errera // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 79-156.
16. Falcon y Tella M. J. Equity and Law / y Tella M. J. Falcon. – Leiden, Boston, 2008. – 334 p.
17. Fragmentum Pragense // Fitting G. Juristische Schriften des früheren Mittelalters. – Halle, 1876. – P. 206-216.
18. Haas G. H. The Concept of Equity in Calvin's Ethics / G. H. Haas. – Carlisle, 1997. – 205 p.
19. Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century / H. Kantorowicz. – Darmstadt, 1969. – 355 p.
20. Lange H. *Ius Aequum* und *Ius Strictum* bei den Glossatoren / H. Lange // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. – 1954. – Vol. 71. – Iss. 1. – P. 319-347.
21. Padoa-Schioppa A. A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century / A. Padoa-Schioppa. – Cambridge, 2017. – 820 p.
22. Padovani A. The Metaphysical Thought of Late Medieval Jurisprudence / A. Padovani // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 31-78.
23. Stein P. Roman Law in European History / P. Stein. – Cambridge, 1999. – 137 p.
24. Yntema H. E. Equity in the Civil Law and the Common Law / H. E. Yntema // The American Journal of Comparative Law. – 1966. – Vol. 15. – №. 1-2. – p. 60-86.

Strunskiy A. D. Idea of law in the doctrine of the Bologna school of glossators: aspect of legal interpretation / A. D. Strunskiy // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical sciences. – 2019. – T. 5 (71). № 4. – P. 465-474.

The article analyzes the philosophical and legal views of representatives of the Bologna law school of glossators on resolving the issue of the law essence: Irnerius, Martinus, Bulgarus, Rogerius, Placentinus, J. Bassianus, Azo, as well as the works of anonymous authors. A comparative analysis of ideas about the law of Bologna lawyers and St. Augustine is given. The conclusion is drawn about the religious orientation of the conceptual views of glossators, as well as the dominant role in them of the idea of divine equity as the basis of natural and positive law. The practical character of the idea of equity in the interpretative activity of glossators, which implies taking into account the cultural and social context, is pointed out. In conclusion, the author gives an estimate of the contribution glossators in the development and establishment of the European legal tradition as contribute to strengthening the philosophical principles in legal education and science.

Keywords: glossators, Middle Ages, Bologna law school, interpretation of law, sociocultural context, essence of law, idea of law, equity, justice.

Spisok literatury`

1. Avgustin Blazhenny`j. Ob istinnoj religii. Teologicheskij traktat. – Mn., 1999. – 1600 s.
2. Avgustin Blazhenny`j. Traktaty` o razlichny`x voprosax: bogoslovie, e`kzegetika, e`tika. – M., 2005. – 352 s.
3. Alekseev S. S. Vossozhdenie k pravu. Poiski i resheniya / S. S. Alekseev. – M., 2001. – 752 s.
4. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: e`poxa formirovaniya / G. Dzh. Berman. – M., 1998. – 624 s.
5. Vinogradov P. G. Ocherki po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoj Evrope / P. G. Vinogradov. – M., 2014. – 279 s.
6. Digesty` Yustiniana / Per. s lat.; Otv. red. L. L. Kofanov. T. 1. – M., 2002. – 584 s.
7. Ioffe O. S. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «xozhajstvennogo prava» / O. S. Ioffe. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/3/info/> (data obrashheniya: 22.10.2019). – Tekst e`lektronny`j.
8. Korkunov N. M. Istoriya filosofii prava / N. M. Korkunov. – SPb., 1915. – 502 s.
9. Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada / Zh. Le Goff. – Ekaterinburg, 2005. – 560 s.
10. Banchich T. M., Marenbon J., Reid Jr. Ch. J. The Revival of Roman Law and Canon Law / T. M. Banchich, J. Marenbon, Jr. Ch. J. Reid // Miller Jr. F. D., Biondi C.-A. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 6: A History of the Philosophy of Law from the Ancient Greeks to the Scholastics. – Dordrecht, 2007. – P. 251-266.
11. Blumenthal U.-R. A New Manuscript of the Exceptiones Legum Romanorum Petri / U.-R. Blumenthal // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. – 2010. – Vol. 96. – Iss. 1. – P. 111-126.
12. Carlyle R. W., Carlyle A. J. A History of Mediaeval Political Theory in The West. Vol. 2: The Political Theory of The Roman Lawyers and Canonists from the Tenth Century to The Thirteenth Century / R. W. Carlyle, A. J. Carlyle. – New-York, 1909. – 274 p.
13. Chroust A.-H. The Fundamental Ideas in St. Augustine's Philosophy of Law / A.-H. Chroust // American Journal of Jurisprudence. – 1973. – Vol. 18. – Iss. 1. – P. 57-79.
14. Deane H. The Political and Social Ideas of St. Augustine / H. Deane. – New-York, 1963. – 356 p.
15. Errera A. The Role of Logic in the Legal Science of the Glossators and Commentators. Distinction, Dialectical Syllogism, and Apodictic Syllogism: An Investigation into the Epistemological Roots of Legal Science in the Late Middle Ages / A. Errera // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century. – Dordrecht, 2007. – P. 79-156.
16. Falcon y Tella M. J. Equity and Law / y Tella M. J. Falcon. – Leiden, Boston, 2008. – 334 p.
17. Fragmentum Pragense // Fitting G. Juristische Schriften des früheren Mittelalters. – Halle, 1876. – P. 206-216.
18. Haas G. H. The Concept of Equity in Calvin's Ethics / G. H. Haas. – Carlisle, 1997. – 205 p.
19. Kantorowicz H. Studies in the Glossators of the Roman Law. Newly Discovered Writings of the Twelfth Century / H. Kantorowicz. – Darmstadt, 1969. – 355 p.

20. Lange H. *Ius Aequum und Ius Strictum bei den Glossatoren* / N. Lange // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung.* – 1954. – Vol. 71. – Iss. 1. – P. 319-347.
21. Padoa-Schioppa A. *A History of Law in Europe: From the Early Middle Ages to the Twentieth Century* / A. Padoa-Schioppa. – Cambridge, 2017. – 820 p.
22. Padovani. A. *The Metaphysical Thought of Late Medieval Jurisprudence* / A. Padovani // Padovani F., Stein P. G. (Eds.). *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 7: The Jurists' Philosophy of Law from Rome to the Seventeenth Century.* – Dordrecht, 2007. – P. 31-78.
23. Stein P. *Roman Law in European History* / R. Stein. – Cambridge, 1999. – 137 p.
24. Yntema H. E. *Equity in the Civil Law and the Common Law* / N. E. Yntema // *The American Journal of Comparative Law.* – 1966. – Vol. 15. – №. 1-2. – p. 60-86.